

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

В БЛОКНОТЕ пятнадцатилетней давности запись короткой беседы с Леонидом Максимовичем Леоновым. Писатель говорил тогда об истории создания знаменитого «Русского леса».

В один из дней 1948 года к нему пришел профессор-лесовод Николай Павлович Анучин: «Я прошу у вас помощи, ибо отчаялся доказать что-либо своим коллегам...». А доказывал ученый, казалось бы, банальную истину. А именно: размеры ежегодной порубки леса должны математически точно соразмеряться с величиной его годичного прироста. Лишь при этом условии может быть обеспечена непрерывность пользования лесом и его сохранность для последующих поколений.

Нет, обращаясь за помощью,

полированной доски — оно дышит, от него веет природным теплом, столь необходимым организму. Ведь древесина — не что иное, как конденсат солнечной энергии.

— В связи с этим вспоминаются прогнозы шведских специалистов, сделанные ими некоторое время назад. Они предполагают, что в начале XXI века их дома, обувь, белье, одежда будут производиться из материалов, в основе которых лежит древесина.

— Возможно. Но учтите, Швеция — страна, богатая лесом. А вот мне довелось быть в Англии, где лесистость, можно сказать, саратовская. Но и там интерес к древесине, а ведь ее везут с материка, огромен. Впрочем, зачем ходить за границу. Обернитесь вокруг, загляните в наши

охранять его от топора и пилы. И общественность подняла свой голос и защитила нашего зеленого друга.

Более того, за последнюю четверть века в европейско-уральской зоне площади, покрытые лесом, увеличились на 8,2 миллиона гектаров. А мы по-прежнему не пускаем в наш лес лесоруба. Судите сами, в центре, на юге, на западе, включая Белоруссию и Прибалтику, заготавливают ныне не более 60 процентов ежегодного прироста. Из лесов Московской области, дававших ранее до семи миллионов кубометров древесины ежегодно, сейчас же вывозится в десять раз меньше.

И все это при условии, что основной потребитель леса находится пока именно здесь, в европейской части страны: сюда направляется до 80 процентов всей древесины. Ее везут из восточных районов, где, несмотря на значительные трудности, заготавливают уже треть необходимого народному хозяйству леса. А ведь каждый лесной кубометр, доставленный, скажем, из Иркутска в Харьков, становится дороже на целых десять рублей, в то время как стоимость перевозки того же кубометра из Архангельска в Харьков — всего три с половиной.

— А может ли европейско-уральская зона сама себя обеспечить древесиной?

— Не только может, но и должна. И этого требуют прежде всего интересы самого леса. Ведь лесной массив, где не ведутся порубочные работы, можно сравнить с колодезем, которым в целях накопления воды запрещено пользоваться. Воды в нем не прибавится, сколько бы мы ни ждали. Больше того, застойная, она очень скоро окажется непригодной для питья.

Я позволю себе небольшой экскурс в первое послереволюционное десятилетие. В 1925 году, закончив Ленинградский лесотехнический институт, я был назначен окружным лесничим Лисинской учебно-опытной базы. Это было очень почетно для вчерашнего студента — ведь эту должность в свое время занимали выдающиеся деятели русской лесной науки Ф. Арнольд, Н. Шелгунов, Д. Кравчинский. И очень ответственно — за годы гражданской войны и послевоенной разрухи знаменитый лисинский лес пришел в запустение. Что можно было сделать?

Для многих в то время наше решение было неожиданным: мы развернули бурную хозяйственную деятельность. В самом центре лесного массива построили двухэтажный лесопильный завод. В бывшем Царском Селе и Ленинграде открыли лесные торговые склады. Только так можно было спасти лес. Ведь как и любой живой организм, дерево подвержено старению. Достигнув предельного возраста, оно обязательно должно быть вырублено, дабы дать рост молодому поколению.

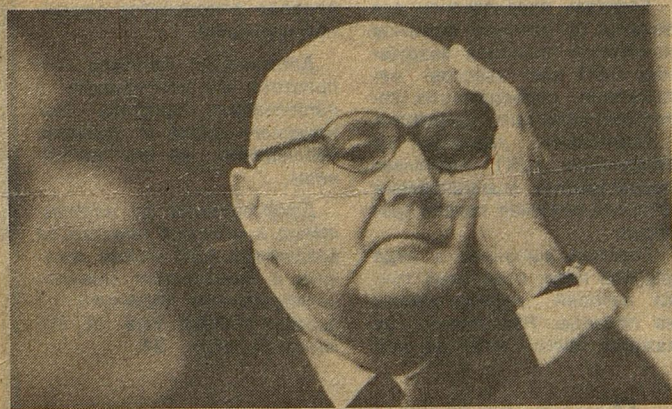
Я вспомнил Лисинское лесничество потому, что, к сожалению, через пятьдесят с лишним лет сталкиваюсь с той же самой ситуацией в масштабах куда более значительных.

Поймите, наши леса страдают сегодня отнюдь не от туриста, который неосмотрительно сломал ветку. Беда в том, что мы не можем или не хотим найти возможности заготовки спелой древесины.

И в связи с этим хочу обратиться к архитекторам и строителям: не отказывайтесь от дерева. Лучшего строительного материала нам не найти.

Беседу вел
В. СКУРАТНИК.

ВО ИМЯ РУССКОГО ЛЕСА

профессор отнюдь не расписывался в собственном бессилии. Как истинный гражданин он считал лесную проблему вопросом общенациональной значимости. И своей искренней болью за судьбу русского леса сумел увлечь писателя-публициста.

Дальнейшее общеизвестно. Широкое обсуждение романа, а следовательно, и проблем лесного хозяйства склонило чашу весов в сторону идей, отстаиваемых профессором Н. П. Анучиным. Бесшабашно занесенный над лесом топор опустился, не успев свершить непоправимое. Но не менее важно и другое — уже второе поколение советских людей, обращаясь к русскому лесу, смотрит на него как бы глазами Анучина и Леонова, видит в нем не просто материальное богатство, а среду, сложнейшим путем влияющую на образ мышления, нрав, психологию и жизненный уклад человека. Мы защитили нашего зеленого друга, мы всячески бережем и храним его. Но...

— Задумывались ли вы над тем фактом, что из наших жилищ, из нашего обихода все более и более исчезает дерево? А ведь это традиционный, веками апробированный строительный материал... — в вопросе моего собеседника академика ВАСХНИЛ Николая Павловича Анучина сквозит явное беспокойство. — Поймите меня правильно, я не против современных строительных материалов, не против железобетона, стекла, пластика... Но все это — неживая материя. А дерево живет. Даже срубленное и обработанное, даже в виде от-

дома культуры, клубы, кафе, в другие общественные места самого последнего издания — их интерьеры чаще всего выполнены из дерева.

— Или под дерево... Ведь у нас не хватает сырья (то есть того же леса). Строители, случается, подготовив объект, ждут оконные переплеты, двери...

— Вот тут мы подошли к самому главному и парадоксальному. Нам не хватает леса — на эту тему за последние годы мы исписали столько бумаги, что наверняка извели не одну великопеленую рощу. И тем не менее лес есть. В нашей стране — четверть всех его мировых запасов. Достаточно у нас и спелой, готовой к заготовкам древесины. Это я говорю с полной ответственностью как специалист с более чем полувековым стажем в области лесной таксации.

— Так что же получается: «от жажды умираю у ручья»?

— Получается. Разумеется, не столь драматично, но похоже. И причины такого положения вещей, мне кажется, носят отнюдь не технический характер (любая, самая сложная техническая проблема в конце концов разрешима). Дело в нас самих, в нашей психологии и в нашей, извините, некомпетентности. Какое конкретное содержание мы вкладываем в благородный и высокопатриотичный лозунг: «Берегите лес!»?

Да, к сожалению, был период, когда допускались перерубы и внеплановые рубки леса. Интенсивная эксплуатация его сокращала запасы древесины в европейской части страны и на Урале. Тогда беречь лес означало